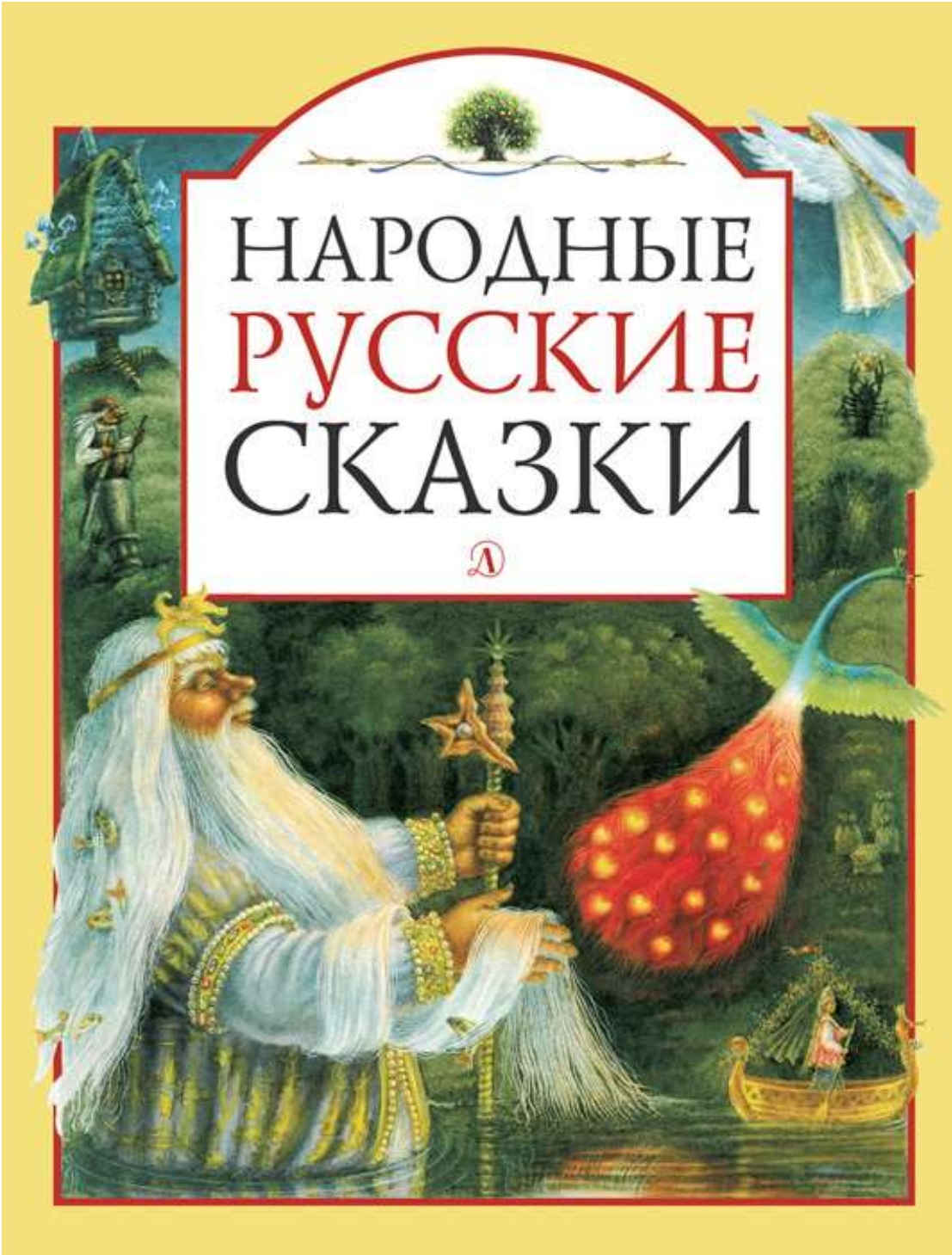




НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

А

Народные русские сказки

© Беляева М. С., наследники, иллюстрации, 1996, 2001

© Оформление. АО «Издательство «Детская литература», 2016

* * *



Царь-медведь

Жил себе царь с царицею, детей у них не было. Царь поехал раз на охоту красного зверя да перелётных птиц стрелять. Сделалось жарко, захотелось ему водицы испить, увидел в стороне колодец, подошёл, нагнулся и только хотел испить – царь-медведь и ухватил его за бороду.

- Пусти, – просится царь.
- Дай мне то, чего в доме не знаешь; тогда и пущу.
- «Что ж бы я в доме не знал? – думает царь. – Кажись, всё знаю...»
- Я лучше, – говорит, – дам тебе стадо коров.
- Нет, не хочу и двух стад.
- Ну, возьми табун лошадей.
- Не надо и двух табунов; а дай то, чего в доме не знаешь.

Царь согласился, высвободил свою бороду и поехал домой. Входит во дворец, а жена родила ему двойни: Ивана-царевича и Марью-царевну; чего не знал он в доме. Всплеснул царь руками и горько заплакал.

- Чего ты так убиваешься? – спрашивает царица.
- Как мне не плакать? Я отдал своих деток родных царю-медведю.
- Каким случаем?
- Так и так, – рассказывает царь.
- Да мы не отдадим их!
- О, никак нельзя! Он вконец разорит всё царство, а их всё-таки возьмёт.

Вот они думали-думали: как быть? Да и придумали: выкопали преглубокую яму, убрали её, разукрасили, словно палаты, навезли туда всяких запасов, чтоб было что и пить и есть; после посадили в ту яму своих детей, а поверх сделали потолок, закидали землёю и заровняли гладко-нагладко.

В скором времени царь с царицею померли, а детки их растут да растут. Пришёл наконец за ними царь-медведь, смотрит туда-сюда: нет никого! Опустел дворец. Ходил он, ходил, весь дом выходил и думает: «Кто же мне про царских детей скажет, куда они девались?» Глядь – долото в стену воткнуто.

- Долото, долото, – спрашивает царь-медведь, – скажи мне: где царские дети?
- Вынеси меня на двор и брось наземь; где я воткнулся, там и рой.

Царь-медведь взял долото, вышел на двор и бросил его наземь; долото закружилось, завертелось и прямо в то место воткнулось, где были спрятаны Иван-царевич и Марья-царевна. Медведь разрыл землю лапами, разломал потолок и говорит:

– А, Иван-царевич, а, Марья-царевна, вы вот где!.. Вздумали от меня прятаться! Отец-то ваш с матерью меня обманули, так я вас за это съем.

– Ах, царь-медведь, не ешь нас, у нашего батюшки осталось много кур и гусей и всякого добра; есть чем полакомиться.

– Ну, так и быть! Садитесь на меня; я вас к себе в услугу возьму.

Они сели, и царь-медведь принёс их под такие крутые да высокие горы, что под самое небо уходят; всюду здесь пусто, никто не живёт.

– Мы есть-пить хотим, – говорят Иван-царевич и Марья-царевна.

– Я побегу, добуду вам и пить и есть, – отвечает медведь, – а вы пока тут побудьте да отдохните.

Побежал медведь за едой, а царевич с царевною стоят и слёзно плачут.

Откуда не#769; взялся ясный сокол, замахал крыльями и вымолвил таково слово:

– Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами вы здесь очутились?

Они рассказали.

– Зачем же взял вас медведь?

– На всякие послу#769;ги.

– Хотите, я вас унесу? Садитесь ко мне на крылышки.

Они сели; ясный сокол поднялся выше дерева стоячего, ниже облака ходячего и полетел было в далёкие страны. На ту пору царь-медведь прибежал, усмотрел сокола в поднебесье, ударился головой в сырую землю и обжёг ему пламенем крылья. Опалились у сокола крылья, опустил он царевича и царевну наземь.

– А, – говорит медведь, – вы хотели от меня уйти; съем же вас за то – и с косточками!

– Не ешь, царь-медведь; мы будем тебе верно служить.

Медведь простил их и повёз в своё царство – горы всё выше да круче.

Прошло ни много, ни мало времени.

– Ах, – говорит Иван-царевич, – я есть хочу.

– И я! – говорит Марья-царевна.

Царь-медведь побежал за едой, а им строго наказал никуда не сходить с места. Сидят они на травке на муравке да слёзы роняют. Откуда не#769; взялся орёл, спустился из-за облак и спрашивает:

– Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами очутились вы здесь?

Они рассказали.

– Хотите, я вас унесу?

– Куда тебе! Ясный сокол брался унести, да не смог, и ты не сможешь!

– Сокол – птица малая; я взлечу повыше его; садитесь на мои крылышки.

Царевич с царевною сели; орёл взмахнул крыльями и взвился ещё выше. Медведь прибежал, усмотрел орла в поднебесье, ударился головой о сыру землю и опалил ему крылья. Спустил орёл Ивана-царевича и Марью-царевну наземь.

– А, вы опять вздумали уходить! – сказал медведь. – Вот я же вас съем!

– Не ешь, пожалуйста; нас орёл взманил! Мы будем служить тебе верой и правдою.

Царь-медведь простил их в последний раз, накормил-напоил и повёз дальше...

Прошло ни много, ни мало времени.

– Ах, – говорит Иван-царевич, – я есть хочу.

– И я! – говорит Марья-царевна.

Царь-медведь оставил их, а сам за едой побежал. Сидят они на травке на муравке да плачут. Откуда не взялся бычок, замотал головой и спрашивает:

– Иван-царевич, Марья-царевна! Вы какими судьбами здесь очутились?

Они рассказали.

– Хотите, я вас унесу?



– Куда тебе! Нас уносили птица-сокол да птица-орёл, и то не смогли; ты и подавно не сможешь! – А сами так и разливаются, едва во слезах слово вымолвят.

– Птицы не унесли, а я унесу! Садитесь ко мне на спину.

Они сели, бычок побежал не больно прытко. Медведь усмотрел, что царевич с царевною уходить стали, и бросился за ними в погоню.

– Ах, бычок, – кричат царские дети, – медведь гонится.

– Далеко ли?

– Нет, близко!

Только было медведь подскочил да хотел сцапать, бычок понатужился... и залепил ему оба глаза. Побежал медведь на сине море глаза промывать, а бычок всё вперёд да вперёд! Царь-медведь умылся да опять в погоню.

– Ах, бычок! Медведь гонится.

– Далеко ли?

– Ох, близко!

Медведь подскочил, а бычок опять понатужился... и залепил ему оба глаза. Пока медведь бегал глаза промывать, бычок всё вперёд да вперёд! И в третий раз залепил он глаза медведю; а после того даёт Ивану-царевичу гребешок да утиральник и говорит:

– Коли станет нагонять царь-медведь близко, в первый раз брось гребешок, а в другой – махни утиральником.

Бычок бежит всё дальше и дальше. Оглянулся Иван-царевич, а за ними царь-медведь гонится: вот-вот схватит! Взял он гребешок и бросил позадь себя – вдруг вырос, поднялся такой густой, дремучий лес, что ни птице не пролететь, ни зверю не пролезть, ни пешему не пройти, ни конному не проехать. Уж медведь грыз-грыз, насилиу прогрыз себе узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучий лес и бросился догонять; а царские дети далёко-далёко! Стал медведь нагонять их. Иван-царевич оглянулся и махнул позадь себя утиральником – вдруг сделалось огненное озеро, такое широкое-широкое! Волна из края в край бьёт. Царь-медведь постоял, постоял на берегу и поворотил домой, а бычок с Иваном-царевичем да с Марьей-царевной прибежал на полянку.

На той на полянке стоял большой славный дом.

– Вот вам дом! – сказал бычок. – Живите – не тужите. А на дворе приготовьте сейчас костёр, зарежьте меня да на том костре и сожгите.

– Ах! – говорят царские дети. – Зачем тебя резать? Лучше живи с нами; мы за тобой будем ухаживать, станем тебя кормить свежеею травою, поить ключевой водою.

– Нет, сожгите меня, а пепел посейте на трёх грядках: на одной грядке выскочит конь, на другой собачка, а на третьей вырастет яблонька; на том коню ездят ты, Иван-царевич, а с тою собачкой ходи на охоту.

Так всё и сделалось.

Вот как-то вздумал Иван-царевич поехать на охоту; попрощался с сестрицею, сел на коня и поехал в лес; убил гуся, убил утку да поймал живого волчонка и привёз домой. Видит царевич, что охота идёт ему в руку, и опять поехал, настрелял всякой птицы и поймал живого медвежонка. В третий раз собрался Иван-царевич на охоту, а собачку позабыл с собой взять.

Тем временем Марья-царевна пошла бельё мыть. Идёт она, а на другой стороне

огненного озера прилетел к берегу шестиглавый змей, перекинулся красавцем, увидел царевну и так сладко говорит:

– Здравствуй, красная девица!

– Здравствуй, добрый молодец!

– Я слышал от старых людей, что в прежнее время этого озера не бывало; если б через него да был перекинут высокий мост – я бы перешёл на ту сторону и женился на тебе.

– Постой! Мост сейчас будет, – отвечала ему Марья-царевна и бросила утиральник.

В ту ж минуту утиральник дугою раскинулся и повис через озеро высоким, красивым мостом.

Змей перешёл по мосту, перекинулся в прежний вид, собачку Ивана-царевича запер на замок, а ключ в озеро забросил; после того схватил и унёс царевну.

Приезжает Иван-царевич с охоты – сестры нет, собачка взаперти воет; увидел мост через озеро и говорит:

– Верно, змей унёс мою сестрицу!

Пошёл разыскивать. Шёл-шёл, в чистом поле стоит хатка на курьих лапках, на собачьих пятках.

– Хатка, хатка! Повернись к лесу задом, ко мне передом.

Хатка повернулась; Иван-царевич вошёл, а в хатке лежит баба-яга – костяная нога из угла в угол, нос в потолок врос.

– Фу-фу! – говорит она. – Доселева русского духа не слышать было, а нынче русский дух во-очью проявляется, в нос бросается! Почто пришёл, Иван-царевич?

– Да если б ты моему горю пособила!

– А какое твоё горе?

Царевич рассказал ей.

– Ну, ступай же домой; у тебя на дворе есть яблонька, сломи с неё три зелёных прутика, сплети вместе и там, где собачка заперта, ударь ими по замку; – замок тотчас разлетится на мелкие части. Тогда смело на змея иди: не устоит супротив тебя.

Иван-царевич воротился домой, освободил собачку – выбежала она злая-злая! Взял ещё с собой волчонка да медвежонка и отправился на змея. Звери бросились на него и разорвали в клочки. А Иван-царевич взял Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.

Золотая рыбка

На море на океане, на острове на Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал сеть и стал ходить на море да ловить рыбу – тем только и добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как доселева никогда не бывало, – еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая – золотая. Возмолилась ему рыбка человеческим голосом:



– Не бери меня, старичок! Пусти лучше в сине море; я тебе сама пригожусь: что пожелаешь, то и сделаю.

Старик подумал-подумал и говорит:

– Мне ничего от тебя не надобно: ступай гуляй в море!

Бросил золотую рыбку в воду и воротился домой.

Спрашивает его старуха:

– Много ли поймал, старик?

– Да всего-навсего одну золотую рыбку, и ту бросил в море; крепко она возмолилась: отпусти, говорила, в сине море; я тебе в пригону стану: что пожелаешь, всё сделаю! Пожалел я рыбку, не#769; взял с неё выкуп, даром на волю пустил.

– Ах ты, старый чёрт! Попалось тебе в руки большое счастье, а ты и владать не сумел.

Озлилась старуха, ругает старика с утра до вечера, не даёт ему покоя:

– Хоть бы хлеба у ней выпросил! Ведь скоро сухой корки не будет; что жрать-то станешь?

Не выдержал старик, пошёл к рыбке за хлебом; пришёл на#769; море и крикнул громким голосом:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Рыбка приплыла к берегу:

– Что тебе, старик, надо?

– Старуха осерчала, за хлебом прислала.

– Ступай домой, будет у вас хлеба вдоволь. Воротился старик:

– Ну что, старуха, есть хлеб?

– Хлеба-то вдоволь; да вот беда: корыто раскололось, не в чем бельё мыть; ступай к золотой рыбке, попроси, чтоб новое дала.

Пошёл старик на#769; море:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла золотая рыбка:

– Что тебе надо, старик?

– Старуха прислала, новое корыто просит.

– Хорошо, будет у вас и корыто.

Воротился старик, только в дверь, а старуха опять на него накинута.

– Ступай, – говорит, – к золотой рыбке, попроси, чтоб новую избу построила; в нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится!

Пошёл старик на#769; море:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Рыбка приплыла, стала к нему головой, в море хвостом и спрашивает:

– Что тебе, старик, надо?

– Построй нам новую избу; старуха ругается, не даёт мне покою; не хочу, говорит, жить в старой избушке: она, того и смотри, вся развалится!

– Не тужи, старик! Ступай домой да молись Богу, всё будет сделано.

Воротился старик – на его дворе стоит изба новая, дубовая, с вырезными узорами. Выбегает к нему навстречу старуха, пуще прежнего сердится, пуще прежнего ругается:

– Ах ты, старый пёс! Не умеешь ты счастьем пользоваться. Выпросил избу и, чай, думаешь – дело сделал! Нет, ступай-ка опять к золотой рыбке да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтоб меня добрые люди слушались, при встречах в пояс кланялись.

Пошёл старик на#769; море, говорит громким голосом:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла рыбка, стала в море хвостом, к нему головой:

– Что тебе, старик, надо?

Отвечает старик:

– Не даёт мне старуха покою, совсем вздурилась: не хочет быть крестьянкою, хочет быть воево-дихой.

– Хорошо, не тужи! Ступай домой да молись Богу, всё будет сделано.

Воротился старик, а вместо избы каменный дом стоит, в три этажа выстроен; по двору прислуга бегают, на кухне повара стучат, а старуха в дорогом парчовом платье на высоких креслах сидит да приказы отдаёт.

– Здравствуй, жена! – говорит старик.

– Ах ты, невежа этакой! Как смел обозвать меня, воеводику, своею женою? Эй, люди! Взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьюми как можно больнее.

Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его плетьюми, да так угостили, что еле на ноги поднялся. После того старуха поставила старика дворником; велела дать ему метлу, чтоб двор убирал, а кормить и поить его на кухне. Плохое житьё старику: целый день двор убирай, а чуть где нечисто – сейчас на конюшню! «Экая ведьма! – думает старик. – Далось ей счастье, а она как свинья зарылась, уж и за мужа меня не считает!»

Ни много, ни мало прошло времени, придоку-чило старухе быть воеводихой, потребовала к себе старика и приказывает:

– Ступай, старый чёрт, к золотой рыбке, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею.

Пошёл старик на море:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла золотая рыбка:

– Что тебе, старик, надо?

– Да что, вздурилась моя старуха пуще прежнего: не хочет быть воеводихой, хочет быть царицею.

– Не тужи! Ступай домой да молись Богу, всё будет сделано.

Воротился старик, а вместо прежнего дома высокий дворец стоит под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выкидывают; позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом – зелёный луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат!

Ни много, ни мало прошло времени, придокучи-ло старухе быть царицею, велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые. Поднялась суматоха, генералы суется, бояре бегают:

– Какой такой старик?

Насилу нашли его на заднем дворе, повели к царице.

– Слушай, старый чёрт! – говорит ему старуха. – Ступай к золотой рыбке да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы все моря и все рыбы меня слушались.

Старик было отнекиваться; куда тебе! Коли не пойдёшь – голова долой! Скрепя сердце пошёл старик на море, пришёл и говорит:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Золотой рыбки нет как нет! Зовёт старик в другой раз – опять нету! Зовёт в третий раз – вдруг море зашумело, взволновалось; то было светлое, чистое, а тут совсем почернело. Приплывает рыбка к берегу:

– Что тебе, старик, надо?

– Старуха ещё пуще вздурилась; уж не хочет быть царицею, хочет быть морскою владычицей, над всеми водами властвовать, над всеми рыбами повелевать.

Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла в глубину моря. Старик воротился назад, смотрит – и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит

небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане.

Начали они жить по-прежнему, старик опять принялся за рыбную ловлю; только, как часто ни закидывал сетей в море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

Морской царь и Василиса Премудрая

Жил-был царь с царицею. Любил он ходить на охоту и стрелять дичь. Вот один раз пошёл царь на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орёл; только хотел его застрелить, орёл и просит:

– Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе: в некое время я тебе пригожусь.

Царь подумал-подумал и говорит:

– Зачем ты мне нужен! – и хочет опять стрелять.

Говорит ему орёл в другой раз:

– Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе: в некое время я тебе пригожусь.

Царь думал-думал и опять-таки не придумал, на что бы такое пригодился ему орёл, и хочет уж совсем застрелить его. Орёл и в третий раз провещал:

– Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года: в некое время я пригожусь тебе!

Царь смиловался, взял орла к себе и кормил его год и два. Орёл так много поедал, что всю скотину приел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говорит ему орёл:

– Пусти-ка меня на волю!

Царь выпустил его на волю; попробовал орёл свои крылья – нет, не сможет ещё летать! – и просит:

– Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми ещё год; хоть займи, да прокорми: в накладе не будешь!

Царь то и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орёл поднялся высоко-высоко, летал-летал, спустился на землю и говорит:

– Ну, царь-государь, садись теперь на меня; полетим вместе.

Царь сел на птицу.

Вот и полетели они; ни много, ни мало прошло времени, прилетели на край моря синего. Тут орёл скинул с себя царя, и упал он в море – по колени намок; только орёл не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает:

– Что, царь-государь, небось испужался?

– Испужался, – говорит царь, – думал, что совсем потону!

Опять летели-летели, прилетели к другому морю. Орёл скинул с себя царя как раз посеред моря – ажно царь по пояс намок. Подхватил его орёл на крыло и спрашивает:

– Что, царь-государь, небось испужался?

– Испужался, – говорит он, – да всё думал: авось, бог даст, ты меня вытащишь.

Опять-таки летели-летели и прилетели к третьему морю. Скинул орёл царя в великую глубь – ажно намок он по самую шею. И в третий раз подхватил его орёл на крыло и спрашивает:

– Что, царь-государь, небось испужался?

– Испужался, – говорит царь, – да всё думалось: авось ты меня вытащишь.

– Ну, царь-государь, теперь ты изведал, каков смертный страх! Это тебе за старое, за прошлое: помнишь ли, как сидел я на дубу, а ты хотел меня застрелить; три раза примался стрелять, а я всё просил тебя да на мысли держал: авось не загубишь, авось смилуешься – к себе возмёшь!

После полетели они за тридевять земель – долго-долго летели. Сказывает орёл:

– Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами?

Посмотрел царь.

– Над нами, – говорит, – небо, под нами земля.

– Посмотри-ка ещё, что по правую сторону и что по левую?

– По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит.

– Полетим туда, – сказал орёл, – там живёт моя меньшая сестра.

Опустились прямо на двор; сестра выступила навстречу, примаёт своего брата, сажает его за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко осерчал орёл, выскочил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше.

Вот летели они, летели; говорит орёл царю:

– Погляди, что позади нас?

Обернулся царь, посмотрел:

– Позади нас дом красный.

А орёл ему:

– То горит дом меньшей моей сестры – зачем тебя не примала да борзыми собаками травила.

Летели-летели, орёл опять спрашивает:

– Посмотри, царь-государь, что над нами и что под нами?

– Над нами небо, под нами земля.

– Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую?

– По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит.

– Там живёт моя средняя сестра; полетим к ней в гости.

Опустились на широкий двор; средняя сестра примаёт своего брата, сажает его за дубовый стол, а царь на дворе остался; выпустила она борзых собак и притравила его. Орёл осерчал, выскочил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним ещё дальше.

Летели они, летели; говорит орёл:

– Царь-государь! Посмотри, что позади нас?

Царь обернулся:

– Стоит позади красный дом.

– То горит дом моей средней сестры! – сказал орёл. – Теперь полетим туда, где живут моя мать и старшая сестра.

Вот прилетели туда; мать и старшая сестра куда как им обрадовались и примали царя с честью, с ласкою.

– Ну, царь-государь, – сказал орёл, – отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за всё, что поел у тебя, и ступай с богом домой.

Дал он царю корабль и два сундучка: один – красный, другой – зелёный – и сказывает:

– Смотри же, не отпирай сундучков, пока домой не приедешь; красный сундучок отпри на заднем дворе, а зелёный сундучок на переднем дворе.

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю; доехал до какого-то острова, там его корабль остановился. Вышел он на берег, вспомнул про сундучки, стал придумывать, что бы такое в них было и зачем орёл не велел открывать их; думал-думал, не утерпел – больно узнать ему захотелось. Взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттуда столько разного скота вышло, что глазом не окинешь, – едва на острове поместились.

Как увидел это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать:

– Что же мне теперь делать? Как опять соберу всё стадо в такой маленький сундучок?

И видит он: вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает:

– Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?

– Как же мне не плакать! – отвечает царь. – Как мне будет собрать всё это стадо великое в такой маленький сундучок?

– Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе всё стадо, только с уговором: отдай мне – чего дома не знаешь.

Задумался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, всё знаю». Подумал и согласился.

– Собери, – говорит, – отдам тебе – чего дома не знаю.

Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси.

Как приехал домой, тут только узнал, что родился у него сын-царевич; стал он его целовать, миловать, а сам так слезами и разливается.

– Царь-государь, – спрашивает царица, – скажи: о чём горьки слёзы ронишь?

– С радости, – говорит; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича.

Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок – и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны, много-много набралось всякого скота, все сараи и варки стали полны. Вышел на передний двор, открыл зелёный сундучок – и появился перед ним большой да славный сад: каких-каких деревьев тут не было! Царь так обрадовался, что и забыл отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то захотелось царю погулять, подошёл он к реке. На ту пору показался из воды прежний человек и говорит:

– Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал! Вспомни, ведь ты должен мне!

Воротился царь домой с тоскою-кручиною и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего – надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного.

Огляделся царевич кругом, увидел тропинку и пошёл по ней: авось куда Бог приведёт. Шёл-шёл и очутился в дремучем лесу. Стоит в лесу избушка, в избушке живёт баба-яга. «Дай зайду», – подумал царевич и вошёл в избушку.

– Здравствуй, царевич! – молвила баба-яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?

– Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси.

Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про всё без утайки, куда и зачем идёт. Говорит ему баба-яга:

– Иди, дитяtko, на море; прилетят туда двенадцать колпиц, обернутся красными девицами и станут купаться; ты подкрадись потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю, и попадутся тебе навстречу Обьедало да Опивало, попадётся ещё Мороз-Трескун – всех возьми с собою: они тебе к добру пригодятся.

Простился царевич с ягою, пошёл на сказанное место на море и спрятался за кусты. Тут прилетели двенадцать колпиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться. Царевич украл у старшей сорочку, сидит за кустом – не ворохнется. Девицы выкупались и вышли на берег, одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой; оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца.

– Отдай, – говорит, – мою сорочку; придёшь к батюшке, водяному царю, – в то времечко я тебе сама пригожусь.

Царевич отдал ей сорочку, она сейчас обернулась колпицею и улетела вслед за подружками. Пустился царевич дальше; повстречались ему на пути три богатыря: Обьедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришёл к водяному царю.

Увидал его водяной царь и говорит:

– Здорово, дружок! Что так долго ко мне не бывал? Я устал, тебя дожидаячи. Примайся-ка теперь за работу; вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь – голова долой!

Идёт царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко в своём терему и спрашивает:

– О чём, царевич, слёзы ронишь?

– Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую

ночь построить хрустальный мост, а я топора не умею в руки взять.

– Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее.

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом. Со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нём узоры хитрые и разошлись по домам.

Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича:

– Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка смотреть придёт.

Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту – где подметёт, где почистит.

Похвалил его водяной царь.

– Спасибо, – говорит, – сослужил мне единую службу, сослужи и другую; вот тебе задача: насади к завтраму зелёный сад – большой да ветвистый, в саду бы птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы расцветали, груши-яблоки спелые висели.

Идёт царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашивает:

– О чём плачешь, царевич?

– Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить.

– Ничего! Ложись спать; утро вечера мудренее.

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом. Со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зелёный сад, в саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши-яблоки спелые висят.

Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича:

– Вставай, царевич! Сад готов, батюшка смотреть идёт.

Царевич сейчас за метлу да в сад: где дорожку подметёт, где веточку поправит. Похвалил его водяной царь:

– Спасибо, царевич! Сослужил ты мне службу верой-правдою; выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье; угадаешь до трёх раз одну и ту же – будет она твоею женою, не угадаешь – велю тебя казнить.

Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу:

– В первый раз я платком махну, в другой платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать.

Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трёх раз. Повенчали их и стали пир пировать.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья – сотне человек съесть! И велит зятю, чтоб всё было поедено; коли что останется – худо будет.

– Батюшка! – просит царевич. – Есть у нас старичок, дозвожь и ему закусить с нами.

– Пускай придёт!

Сейчас явился Обьедало; всё приел – ещё мало стало.

Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста было выпито.

– Батюшка! – просит опять царевич. – Есть у нас другой старичок, дозвожь и ему выпить про твоё здоровье.

– Пускай придёт!

Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек – ещё опохмелиться просит.

Видит водяной царь, что ничто не берёт, приказал истопить для молодых баню чугунную жарко-на-жарко; истопили баню чугунную, двадцать сажо-н дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили – за пять вёрст подойти нельзя.

– Батюшка, – говорит царевич, – дозвожь наперёд нашему старичку попариться, баню опробовать.

– Пускай попарится!

Пришёл в баню Мороз-Трескун: в один угол дунул, в другой дунул – уж сосульки

висят. Вслед за ним и молодые в баню сходили, помылись-попарились и домой воротились.

– Уйдём от батюшки водяного царя, – говорит царевичу Василиса Премудрая, – он на тебя больно сердит, не причинил бы зла какого!

– Уйдём, – говорит царевич.

Сейчас оседлали коней и поскакали в чистое поле.

Ехали-ехали; много прошло времени.

– Слезь-ка, царевич, с коня да припади ухом к сырой земле, – сказала Василиса Премудрая, – не слышать ли за нами погони?

Царевич припал ухом к сырой земле: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит:

– Ах, царевич! Слышу сильную за нами погоню.

Оборотила она коней колодезем, себя – ковшиком, а царевича – старым старичком.

Наехала погоня:

– Эй, старик! Не видал ли добра молодца с красной девицей?

– Видал, родимые! Только давно: они ещё в те#769; поры проехали, как я молод был.

Погоня воротилась к водяному царю.

– Нет, – говорит, – ни следов, ни вести, только и видели, что старика возле колодезя, по воде ковшик плавает.

– Что ж вы их не#769; брали? – закричал водяной царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрой послал другую смену.

А тем временем они далеко-далеко уехали.

Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли.

Наехала погоня:

– Эй, старичок! Не видал ли добра молодца с красной девицей?

– Видел, родимые! Только давным-давно; они ещё в те#769; поры проехали, как я молод был, эту церковь строил.

И вторая погоня воротилась к водяному царю:

– Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести; только и видели, что старца-попа да церковь ветхую.

– Что ж вы их не#769; брали? – закричал пуще прежнего водяной царь; предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрой сам поскакал. На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича – селезнем, себя – серой утицею. Водяной царь бросился на кисель и сыту#769;¹, ел-ел, пил-пил – до того, что лопнул! Тут и дух испустил.

Царевич с Василисой Премудрой поехали дальше; стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит:

– Ступай, царевич, вперёд, доложишься отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге обожду; только помни моё слово: со всеми целуйся, не целуй сестрицы – не то меня позабудешь.

Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал, как в ту ж минуту забыл про свою жену, словно и в мыслях не была.

Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвёртый нарядилась нищенкой, пошла в стольный город и пристала у одной старушки. А царевич собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного – все бы шли поздравлять жениха с невестой и несли в дар по пирогу пшеничному. Вот и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять

¹ Сыта#769; – вода, подслащённая мёдом, или медовый отвар на воде.

да пирог готовить.

– Для кого, бабушка, пирог готовишь? – спрашивает её Василиса Премудрая.

– Как – для кого? Разве ты не знаешь: наш царь сына женит на богатой королевне; надо во дворец идти, молодым на стол подавать.

– Дай и я испеку да во дворец снесу; может, меня царь чем пожелает.

– Пеки, с Богом!

Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, положила творогу да голубя с голубкою и сделала пирог.

К самому обеду пошла старуха с Василисою Премудрою во дворец; а там пир идёт на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели оттуда голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу, а голубь говорит:

– Голубушка, дай и мне творожку!

– Не дам, – отвечает голубка, – а то ты меня позабудешь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую.

Тут вспомнил царевич про свою жену, выскочил из-за стола, брал её за белые руки и сажал возле себя рядышком. С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в счастье.

Жар-птица и Василиса-царевна

В некотором царстве, за тридевять земель – в тридесятом государстве – жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский.

Раз поехал стрелец на своём богатырском коне в лес поохотиться; едет он дорогою, едет широкою – и наехал на золотое перо жар-птицы: как огонь перо светится! Говорит ему богатырский конь:

– Не бери золотого пера; возьмёшь – горе узнаешь!

И раздумался добрый молодец: поднять перо али нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит; а царская милость кому не дорога?>

Не послушался стрелец своего коня, поднял перо жар-птицы, привёз и подносит царю в дар.

– Спасибо! – говорит царь. – Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь – мой меч, твоя голова с плеч!

Стрелец залился горькими слезами и пошёл к своему богатырскому коню.

– О чём плачешь, хозяин?

– Царь приказал жар-птицу добыть.

– Я ж тебе говорил: не бери пера – горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься; это ещё не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтраму сто кулей белоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано.

Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей белоярой пшеницы.

На другой день на заре поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался. Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море – летит жар-птица; прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошёл к жар-птице, наступил на её крыло копытом и крепко к земле прижал; стрелец-молодец выскочил из-за дерева, прибежал, связал жар-птицу верёвками, сел на лошадь и поскакал во дворец. Приносит царю жар-птицу; царь увидал, возрадовался, благодарил стрельца за службу, жаловал его чином и тут же задал ему другую задачу:

– Коли ты сумел достать жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридевять земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна – её-то мне и надобно. Достанешь – златом-себе#769;ребром награжу, а не достанешь – то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошёл к своему богатырскому коню.

– О чём плачешь, хозяин? – спрашивает конь.
– Царь приказал добыть ему Василису-царевну.
– Не плачь, не тужи; это ещё не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с золотой маковкой да разных припасов и напитков на дорогу.

Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с золотой маковкой. Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель, долго ли, коротко ли – приезжает он на край света, где красное солнышко из синя моря восходит. Смотрит, а по синю морю плывёт Василиса-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом попихается². Стрелец-молодец пустил своего коня в зелёных лугах гулять, свежую травку щипать; а сам разбил палатку с золотой маковкой, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке – угощается, Василисы-царевны дожидается.

А Василиса-царевна усмотрела золотую маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любителю на палатку.

– Здравствуй, Василиса-царевна! – говорит стрелец. – Милости просим хлеба-соли откусать, заморских вин испробовать.

Василиса-царевна вошла в палатку; начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского вина, опьянела и крепким сном заснула. Стрелец-молодец крикнул своему богатырскому коню, конь прибежал; тотчас снимает стрелец палатку с золотой маковкой, садится на богатырского коня, берёт с собою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука.

Приехал к царю; тот увидал Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином. Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем из лица переменялась; сколько царь ни уговаривал – всё понапрасну.

Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит:

– Пусть тот, кто меня сюда привёз, поедет к синему морю. Посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано моё подвенечное платье – без того платья замуж не пойду!

Царь тотчас за стрельцом-молодцом:

– Поезжай скорей на край света, где красное солнышко восходит; там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье и привези сюда; пришла пора свадьбу играть! Достанешь – больше прежнего награжу, а не достанешь – то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошёл к своему богатырскому коню. «Вот когда, – думает, – не миновать смерти!»

– О чём плачешь, хозяин? – спрашивает конь.

– Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны.

– А что, говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживёшь! Ну да не бойся: это ещё не беда, беда впереди! Садись на меня да поедом к синю морю.

Долго ли, коротко ли – приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря. Богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползёт, и наступил ему на шейку своим тяжёлым копытом. Возговорил морской рак:

– Не дай мне смерти, а дай живота! Что тебе нужно, всё сделаю.

Отвечал ему конь:

– Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!

Рак крикнул громким голосом на всё сине море; тотчас море всколыхалось: сползли со всех сторон на берег раки большие и малые – тьма-тьмушая! Старший рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря,

² Попихается – гребёт.

из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

Приезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась.

– Не пойду, – говорит царю, – за тебя замуж, пока не велишь ты стрельцу-молодцу в горячей воде искупаться.

Царь приказал налить чугунный котёл воды, вскипятить как можно горячей да в тот кипяток стрельца бросить. Вот всё готово, вода кипит, брызги так и летят; привели бедного стрельца. «Вот беда так беда! – думает он. – Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня не послушался?» Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю:

– Царь-государь! Позволь перед смертью пойти с конём попрощаться.

– Хорошо, ступай попрощайся!

Пришёл стрелец к своему богатырскому коню и слёзно плачет.

– О чём плачешь, хозяин?

– Царь велел в кипятке искупаться.

– Не бойся, не плачь, жив будешь! – сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил его белому телу.

Вернулся стрелец из конюшни; тотчас подхватили его рабочие люди – и прямо в котёл; он раз-другой окунулся, выскочил из котла – и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Царь увидел, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез сдуру в воду и в ту ж минуту обварился.

Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца; он женился на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.



По щучьему веленью

Жил-был бедный мужичок. Сколько он ни трудился, сколько ни работал – всё нет ничего! «Эх, – думает сам с собой, – доля моя горькая! Все дни за хозяйством убиваюсь, а того и смотри – придётся с голоду помирать; а вот сосед мой всю свою жизнь на боку лежит, и что же? – хозяйство большое, барыши сами в карман плывут. Видно, я Богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось Господь и смилуется». Начал он Богу молиться; по целым дням голодает, а всё молится. Наступил светлый праздник, ударили к заутрене. Бедный думает: «Все люди станут разг#769;вливаться, а у меня ни куска нету! Пойду хоть воды принесу – уже вместо щей похлебаю». Взял ведёрко, пошёл к колодезю и только закинул в воду – вдруг попалась ему в ведёрко большущая щука. Обрадовался мужик: «Вот и я с праздником! Наварю ухи и всласть пообедаю».

Говорит ему щука человеческим голосом:

– Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, всё у тебя будет! Только скажи: по щучьему веленью, по Божьему благословенью явись то-то и то-то – сейчас явится!

Убогий бросил щуку в колодец, пришёл в избу, сел за стол и говорит:

– По щучьему веленью, по Божьему благословенью будь стол накрыт и обед готов!

Вдруг откуда что взялось – появились на столе всякие кушанья и напитки; хоть царя угощай – так не стыдно будет! Убогий перекрестился: «Слава тебе господи! Есть чем разговестись». Пошёл в церковь, отстоял заутреню и обедню, воротился и стал разгавливаться; закусил-выпил, вышел за ворота и сел на лавочку.

На ту пору вздумала царевна по улицам прогуляться, идёт с своими няньками и мамками и ради праздничка Христова раздаёт бедным милостыню. Всем подала, а про этого мужичка и позабыла. Вот он и говорит про себя: «По щучьему веленью, по Божьему благословенью пусть царевна плод понесёт и родит себе сына!» По тому слову царевна в ту ж минуту забрюхатела и через девять месяцев родила сына.

Начал её царь допрашивать.

– Признавайся, – говорит, – с кем ты согрешила?

А царевна плачет и всячески клянётся, что ни с кем не грешила:

– И сама не ведаю, за что меня Господь покарал!

Сколько царь ни допытывался, ничего не узнал.

Меж тем мальчик не по дням, а по часам растёт; через неделю уж говорить стал. Царь созвал со всего царства бояр и думных людей, показывает их мальчику: не признает ли он кого за отца? Нет, мальчик молчит, никого отцом не обзывает.

Приказал царь нянькам и мамкам нести его по всем дворам, по всем улицам и казать всякого чина людям, и женатым и холостым. Няньки и мамки понесли ребёнка по всем дворам, по всем улицам; ходили-ходили, он всё молчит. Подошли наконец к избышке бедного мужика; как только увидал мальчик того мужика, сейчас потянулся к нему ручонками и закричал:

– Тятя, тятя!

Доложили про то государю, привели во дворец убогого. Царь стал его допрашивать:

– Признавайся по чистой по совести – твой это ребёнок?

– Нет, Божий!

Царь разгневался, обвинил убогого на царевне, а после венца приказал посадить их вместе с ребёнком в большую бочку, засмолить смолою и пустить в открытое море.

Вот поплыла бочка по морю, понесли её буйные ветры и прибили к далёкому берегу. Слышит убогий, что вода под ними не колышется, и говорит таково слово:

– По щучьему веленью, по Божьему благословенью распадись, бочка, на сухом месте!

Бочка развалилася. Вылезли они на сухое место и пошли куда глаза глядят. Шли-шли, шли-шли, есть-пить нечего, царевна совсем отошала, едва ноги переставляет.

– Что, – спрашивает убогий, – знаешь теперь, какова жажда и голод?

– Знаю! – отвечает царевна.

– Вот так-то и бедные мучатся; а ты не хотела мне на Христов день и милостынки подать! – Потом говорит убогий: – По щучьему веленью, по Божьему благословенью стань здесь богатый дворец – чтоб лучше во всём свете не было, и с садами, и с прудами, и со всякими пристройками!

Только вымолвил – явился богатый дворец. Выбегают из дворца слуги верные, берут их по рукам, ведут в палаты белокаменные и сажают за столы дубовые, за скатерти браные. Чудно в палатах убрано, изукрашено; на столах всего наготовлено: и вина, и сласти, и кушанья. Убогий и царевна напились, наелись, отдохнули и пошли в сад гулять.

– Всем бы здесь хорошо, – говорит царевна, – только жаль, что нет никакой птицы на наших прудах.

– Подожди, будет и птица! – отвечал убогий и тотчас вымолвил: – По щучьему веленью, по Божьему благословенью пусть плавают на этом пруде двенадцать уток, тринадцатый селезень – у всех бы у них одно перо было золотое, другое серебряное; да был бы у селезня чуб на головке бриллиантовый!

Глядь – плывут по воде двенадцать уток и селезень – одно перо золотое, другое серебряное; на головке у селезня чуб бриллиантовый.

Вот так-то живёт царевна с своим мужем без горя, без печали, а сын её растёт да растёт; вырос большой, почувал в себе силу великую и стал у отца, у матери проситься поехать по белу свету да поискать себе невесты. Они егопустили:

– Ступай, сынок, с Богом!

Он оседлал богатырского коня, сел и поехал в путь-дорогу.

Попадаетея ему навстречу старая старуха:

– Здравствуй, русский царевич! Куда ехать изволишь?

– Еду, бабушка, невесты искать, а где искать – и сам не ведаю.

– Постой, я тебе скажу, дитяtko! Поезжай ты за море в тридесятое королевство. Там есть королевна – такая красавица, что весь свет изъездишь, а лучше её нигде не сыщешь!

Добрый мо#769;лодец поблагодарил старуху, приехал к пристани, нанял корабль и поплыл в тридесятое королевство.

Долго ли, коротко ли плыл он по#769; морю, – скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, – приезжает в то королевство, явился к тамошнему королю и стал за его дочь свататься. Говорит ему король:

– Не ты один за мою дочь сватаешься; есть у нас ещё жених – сильномогучий богатырь. Коли ему отказать, он всё моё государство разорит.

– А мне откажешь – я разорю!

– Что ты! Лучше померяйся с ним силою: кто из вас победит, за того и дочь отдам.

– Ладно! Созывай всех царей и царевичей, королей и королевичей – на честно#769;й бой поглядеть, на свадьбе погулять.

Тотчас посланы были гонцы в разные стороны, и года не прошло, как собрались со всех окрестных земель цари и царевичи, короли и королевичи; приехал и тот царь, что свою родную дочь в бочку засмолил да в море пустил. В назначенный день вышли богатыри на смертный бой; бились-бились, от их ударов земля стонала, леса приклонялись, реки волновались. Сын царевны осилил своего супротивника – снёс с него голову.

Подбежали тут королевские бояре, взяли доброго мо#769;лодца по#769;д руки и повели во дворец. На другой день обвенчался он с королевною, а как отпировали свадьбу, стал звать всех царей и царевичей, королей и королевичей в гости к своему отцу, к матери. Поднялись все разом, снарядили корабли и поплыли по#769; морю.

Царевна со своим мужем встретили гостей с честью, и начались опять пиры да веселье. Цари и царевичи, короли и королевичи смотрят на дворец, на сады и дивуются: такого богатства нигде не видано, а больше всего показались им утки и селезень – за одну утку можно полцарства дать! Отпировали гости и вздумали домой ехать. Не успели они до пристани добраться, как бегут за ними скорые гонцы: наш-де хозяин просит вас назад воротиться, хочет с вами тайный совет держать.

Цари и царевичи, короли и королевичи воротились назад. Выступил к ним хозяин и стал говорить:

– Разве этак добрые люди делают? Ведь у меня утка пропала! Окромя вас некому взять!

– Что ты взводишь напраслину? – отвечают ему цари и царевичи, короли и королевичи. – Это дело непригожее! Сейчас обыщи всех! Если найдёшь у кого утку, делай с ним, что сам знаешь; а если не сыщешь, твоя голова долой!

– Хорошо, я согласен! – сказал хозяин, пошёл по ряду и стал их обыскивать. Как скоро дошла очередь до царевнина отца, он потихоньку и вымолвил: – По шучьему веленью, по Божьему благословенью пусть у этого царя под полой кафтана будет утка привязана!

Взял, приподнял ему кафтан, а под полой как есть привязана утка – одно перо золотое, другое серебряное. Тут все прочие цари и царевичи, короли и королевичи громко засмеялись:

– Ха-ха-ха! Вот каково! Уж цари воровать начали!

Царевнин отец всеми святыми клянётся, что воровать у него и на мыслях не было; а как к нему утка попала – того и сам не ведает.

– Рассказывай! У тебя нашли, стало быть, ты один и виноват.

Тут вышла царевна, бросилась к отцу и призналась, что она та самая его дочь, которую выдал он за убогого замуж и посадил в смоляную бочку.

– Батюшка! Ты не верил тогда моим словам, а вот теперь на себе спознал, что можно быть без вины виноватым.

Рассказала ему, как и что было, и после того стали они все вместе жить-поживать, добра наживать, а лиха избывать.

Василиса Прекрасная



В некотором царстве жил-был купец Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

– Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги её всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у неё совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолетья Василисе, – стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашёл в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на всё село красавица; мачеха и сестры завидовали её красоте, мучили её всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса всё переносила безропотно и с каждым днем всё хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худели и дурнели от злости, несмотря на то что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала её куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрётся в чуланчике, где жила, и потчевает её, приговаривая:

– На-а-а, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня: как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и даёт ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка ещё укажет Василисе и травку от загара. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет. Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присвадываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

– Не выдам меньшей прежде старших!

А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житьё в другой дом. А возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трём девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всём доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

– Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбежать за огнём к бабе-яге!

– Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду.

– И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок. – Мне от спиц светло!

– Тебе за огнём идти! – закричали обе. – Ступай к бабе-яге! – и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

– На#, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к бабе-яге; баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза её заблестели, как две свечки.

– Не бойся, Василисушка! – сказала она. – Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идёт она и дрожит. Вдруг скачет мимо её всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идёт она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы. Забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами. Вместо верея³ у ворот – ноги человеечьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всём чёрном и на чёрном коне; подскочил к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели. Выхала из лесу баба-яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

– Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

– Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнём к тебе.

– Хорошо, – сказала яга-баба, – знаю я их. Поживи ты наперёд да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем! – Потом обратилась к воротам и

³ Верея – столб, на который навешивают створку ворот.

вскрикнула: – Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять всё заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе:

– Подавай-ка сюда, что там есть в печи, – я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, мёду, пива и вина. Всё съела, всё выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит:

– Когда завтра я уеду, ты смотри – двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, бельё приготовь да пойди в закром, возьми четверть пшеницы и очисти её от чернушки⁴. Да чтоб всё было сделано, а не то съем тебя!

После такого наказания баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

– На́, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжёлую дала мне яга-баба работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню. Помоги мне!

Кукла ответила:

– Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранёшенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело.

Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всём и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана, куколка выбирала из пшеницы последние зёрна чернушки.

– Ах ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла.

– Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы. – Состряпай, с Богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждёт бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами чёрный всадник – и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет баба-яга. Василиса встретила её.

– Всё ли сделано? – спрашивает яга.

– Изволь посмотреть сама, бабушка! – молвила Василиса.

Баба-яга всё осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

– Ну хорошо! – Потом крикнула: – Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

– Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зёрнышку, вишь кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

– Молись Богу да ложись спать: утро вечера мудренее, всё будет сделано, Василисушка!

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать. Она ест, а

⁴ Чернушка – травянистое растение с чёрными пряными семенами.

Василиса стоит молча.

– Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала баба-яга. – Стоишь как немая!

– Не смела, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чём.

– Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведёт: много будешь знать, скоро состареешься!

– Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня нагнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде; кто он такой?

– Это день мой ясный, – отвечала баба-яга.

– Потом обогнал меня другой всадник, на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

– Это моё солнышко красное! – отвечала баба-яга.

– А что значит чёрный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

– Это ночь моя тёмная – всё мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трёх парах рук и молчала.

– Что ж ты ещё не спрашиваешь? – молвила баба-яга.

– Будет с меня и этого. Сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состареешься.

– Хорошо, – сказала баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

– Мне помогает благословение моей матери, – отвечала Василиса.

– Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

– Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, – думает себе, – уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

– Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили её ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу.

– Авось твой огонь будет держаться! – сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и её дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но, куда ни бросятся, глаза всюду за ними так и следят. К утру совсем сожгло их в уголь, одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житьё к одной безродной старушке. Живёт себе и поджидает отца.

Вот как-то говорит она старушке:

– Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего. Василиса села за дело, работа так и горит у неё, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканьё приниматься, да таких бёрд⁵ не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не

⁵ Бёрдо – одна из составных частей ткацкого станка в виде гребня или рамы с вертикальными прорезями,

берётся и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та говорит:

– Принеси-ка мне какое-нибудь старое бёрдо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я всё тебе смастерю.

Василиса добыла всё, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

– Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

– Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да всё мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

– Что тебе, старушка, надобно?

– Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла диковинный товар; никому, кро-ме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно – вздивовался.

– Что хочешь за него? – спросил царь.

– Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскры-или, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

– Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

– Не я, государь, пряла и соткала полотно, – сказала старуха, – это работа приёмыша моего – девушки.

– Ну так пусть и сошьёт она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всём Василисе.

– Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу. Шила она не покладываячи рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждёт, что будет. Видит: на двор к старухе идёт царский слуга; вошёл в горницу и говорит:

– Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в неё без памяти.

– Нет, – говорит он, – красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил её подле себя; а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об её судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Колобок

Жил-был старик со старухою. Просит старик:

– Испеки, старуха, колобок.

– Из чего печь-то? Муки нету.

– Э-эх, старуха! По коробу поскреби, по сусеку⁶ помети; авось муки и наберётся.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни с две. Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошечко постудить.

Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился – с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

– Колобок, колобок! Я тебя съем.

– Не ешь меня, косой зайчик! Я тебе песенку спою, – сказал колобок и запел:

– Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушёл,
Я у бабушки ушёл,
У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только заяц его и видел!

Катится колобок, а навстречу ему волк:

– Колобок, колобок! Я тебя съем!

– Не ешь меня, серый волк! Я тебе песенку спою!

Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушёл,
Я у бабушки ушёл,
Я у зайца ушёл,
У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только волк его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему медведь:

– Колобок, колобок! Я тебя съем.

– Где тебе, косялапому, съесть меня!

Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушёл,
Я у бабушки ушёл,
Я у зайца ушёл,
Я у волка ушёл,
У тебя, медведь, не хитро уйти!

И опять укатился; только медведь его и видел!..

Катится, катится колобок, а навстречу ему лиса:

– Здравствуй, колобок! Какой ты хорошенький.

А колобок запел:



⁶ Сусе́к – отгороженное место в амбаре для ссы-пания зерна, муки.

– Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушёл,
Я у бабушки ушёл,
Я у зайца ушёл,
Я у волка ушёл,
У медведя ушёл,
У тебя, лиса, и подавно уйду!

– Какая славная песенка! – сказала лиса. – Но ведь я, колобок, стара стала, плохо слышу. Сядь-ка на мою мордочку да пропой ещё разок – погромче.

Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню.

– Спасибо, колобок! Славная песенка, ещё бы послушала! Сядь-ка на мой язычок да пропой в последний разок, – сказала лиса и высунула свой язык.

Колобок сдуру прыг ей на язык, а лиса – ам его! – и скушала.